

АРКАДИЙ РОВНЕР

НЕБЕСНЫЕ СЛАНИ

12+

Аркадий Ровнер
Небесные селения

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Ровнер А. Б.

Небесные селения / А. Б. Ровнер — «ЛитРес: Самиздат», 2005

«Алхимический» роман Аркадия Ровнера повествует о судьбе ученого-ассириолога Николая, похищенного из его родного города Гранатовым ветром и ставшего участником экспедиции по островам небесного архипелага Макам. Классический приключенческий сюжет, напоминающий лучшие страницы Эдгара По, Даниеля Дефо и Рене Домалея, захватывает ощущением причастности к тайным силам, которые наполняют Вселенную и определяют судьбы героев романа. Роман обращен к читателю, ищущему самого себя в тревожном мире размытых координат и исчезающих ориентиров.

© Ровнер А. Б., 2005

© ЛитРес: Самиздат, 2005

Содержание

Предисловие	6
Ода Ветру	8
Город Дуракин	10
Город Халь	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Аркадий Ровнер
Небесные селения**

**Филологические путешествия
ассириолога Николая,
его друга Калама
и его возлюбленной Клич
по островам архипелага Макам
и другим необычным местам
нашей Вселенной**

Предисловие

The wind is paradise; let the wind blow.
E. Daniel Richie

Этот текст был передан мне Василием Эрнестовичем Перьевым, которого я посетил однажды по пути из Одессы в Адлер. Этот путь, кстати сказать, стал чрезвычайно громоздким с тех пор, как после распада страны сообщение по Черному морю свелось к туристическим круизам в Турцию. Точно также были отменены все поезда и авиарейсы из Одессы на кавказское побережье. Дошло до того, что в одесской авиакассе мне посоветовали лететь в Адлер через Москву! Все же я предпочел ехать поездом через Крым с короткой остановкой в Дуракине, хотя путь этот был неудобен, а поезда грязны и неудобны. Из Симферополя я добрался до Керчи на автобусе, а там из порта Крым на пароме переехал в порт Кавказ, где меня уже ждали мои милые друзья и повезли вдоль всего черноморского побережья к самой абхазской границе – в Адлер.

Жил Василий Эрнестович в Приазовье в городе Дуракине и долгие годы работал сторожем в Краеведческом музее. Он был известен некоторым литераторам Москвы и Симферополя как автор экстремистских стихов, которые писал много лет, не заботясь об их публикации. В начале 90-х годов поэт-мехматовец Анатолий Маковский, исколесивший страну и вырастивший поколение провинциальных поэтов, а позже таинственно пропавший, рассказывал мне о нем как о человеке остроумном и жизнерадостном, однако конкретно мне его рекомендовал и снабдил его адресом симферопольский прозаик и издатель Валерий Гаевский.

Поезд из Одессы прибыл в Дуракин на рассвете, и мне пришлось провести на местном вокзале, похожем на ночлежку, несколько зябких часов, дожидаясь часа, когда, наконец, прилично будет явиться с визитом к незнакомому человеку. В половине девятого, отыскав дом и квартиру, я постучал в его дверь и был встречен и привечен человеком во всех отношениях интересным и остроумным, который напоил меня чаем, настоенном на душистых местных травах, и накормил вкуснейшими «дуракинскими» гренками собственного изготовления. Василий Эрнестович оказался человеком примечательной наружности: высоким, слегка сутуловатым, с живыми искрящимися глазами, закрученными густыми усами и серебристыми волосами до плеч. Больше всего в нем меня поразила удивительная память на стихи разных поэтов и яркое фонтанирующее воображение, а ведь ему тогда было не менее 80 лет.

За чаем мы разговорились, и узнав, что я интересуюсь областью, которую раньше называли герметизмом, а сейчас эзотерикой, а также, что у меня есть знакомые среди московских издателей, предложил мне взять для ознакомления записки своего пропавшего без вести приятеля Николая, попросив отнестись к ним с особым доверием и вниманием. Этот приятель дважды исчезал из города: первый раз его не было очень долго, но все-таки он появился и отдал Василию Эрнестовичу на хранение свои путевые записки. После этого он исчез снова, и с тех пор о нем нет никаких вестей.

На мой вопрос, о чем эти записки, Василий Эрнестович сказал, что его друг был лингвистом, изучал древние и современные языки и сумел установить интимную связь с ветрами. «С какими ветрами?» – удивленно спросил его я, ибо никогда раньше ничего подобного не слышал. «С различными ветрами», – ответил мне Василий Эрнестович и пояснил: «Ветер – это та сила, которая наполняет паруса мироздания. Друг мой сумел установить с этой силой близкие отношения и, так сказать, обменяться с нею субстанциями. Впрочем, – добавил он, видя мое недоумение, – я уверен, что этот текст вам все объяснит». После завтрака мы с Василием Эрнестовичем расстались, он отправился по своим делам, а я – на вокзал.

Записки Николая из Дуракина (так я буду называть их автора, фамилии которого в тексте не оказалось и который, очевидно, предпочитал, чтобы именно так его называли), показались мне чрезвычайно интересными, отсылающими к глубине, не всегда схватываемой при первом чтении. Написанные не просто литератором, а человеком сердца и может быть даже «человеком ветра», они не грешат стилистическими нагромождениями, нередкими в сегодняшней прозе, а просто и ясно, в стиле Диккенса или Чехова, описывают пережитые автором события, какими бы они иногда ни казались неправдоподобными. Сам предмет этих записок связывает их с известной традицией рассказов о необычных странствиях, коими изобилует как западная, так и восточная литература. В этом ряду стоит упомянуть авестийскую книгу «Вандидад», «Путешествие рабов божьих к месту возврата» Санаи, китайскую «Книгу гор и морей», трактат Ибн Сины «Хай ибн Якзан», трактат Сухраварди «Огненный разум», поэму Кирмани «Светильник души», поэму турецкого поэта Юнуса Эмре «Назидательное послание» и такие известные западные источники как «Одиссея», «Божественная комедия», «Путешествия Гулливера», роман Эдгара Алана По «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» и некоторые рассказы Говарда Лавкрафта. Однако записки, попавшие мне в руки, особенно драгоценны тем, что созданы нашим современником, увидевшим все, что он видел, из знакомой нам перспективы опустошительной и гнетущей повседневности. Тем более удивительно, как он сумел над нею подняться и ее преобразить.

Недавно до меня дошла весть о том, что Василий Эрнестович скончался, и таким образом полученный текст остался целиком на моем попечении и на моей совести. Я не редактировал рукопись и едва ли исправил в ней что-либо, кроме нескольких орфографических ошибок, но дал ей название и подзаголовки, призванные сориентировать читателей относительно ее содержания. Кроме того, я оставил предпосланную рукописи Николая из Дуракина «Оду Ветру», автором которой был Василий Эрнестович, и теперь с тревогой отдаю все это издателю в расчете, конечно же, не на очумелого массового читателя и созданную для него фабрику снов, а с робкой надеждой на то, что среди тех, кто ее откроет и прочтет, найдется хотя бы один читатель, который извлечет из нее для своей души существенную пользу.

А.Б.

Ода Ветру

Неистов, гневен и могуч,
Ты повелитель горных круч,
Ты грозный Эвр, ты злой Борей,
Владыка пасмурных морей,

Ты Нот, ты сладостный Зефир,
Благослови наш кроткий пир.
Ты – ветер, и перед тобой,
Склоняюсь как перед судьбой.

О, царственный, о, бог миров,
Надувший парус мироздания,
Из всех изысканных даров
Всех радостней с тобой свиданье.

Ты мать морей, хозяин гор,
Ты брат огня и сын судьбы,
Ты щедрый друг, ты подлый вор,
Ты ночью трогаешь гробы.

Послушны прихоти твоей
И океан, и муравей.
Влечешь меня – и я влекусь,
Несешь меня – и я несусь.

Ты воешь, стонешь и вопишь,
Трубач, скрипач, поэт, арфист,
Над каждой строчкой ты корпишь,
Из каждой почки гонишь лист.

Ты гонишь тучи и песок,
И овеаешь мой висок,
Рождает звезды и луну,
Приносишь гром и тишину.

Поешь, возводишь и крушишь,
И вверх летишь, и вниз скользишь.
Какой триумф – восторг души,
Какая музыка в тиши!

Ты шут, заика и болтун,
Ты легок, царственный летун,
Дворцы ты даришь одному,
Другому посох и суму?

Неистов, грозен и угрюм,

Ты пузыришь мой праздный ум.
Куда влечешь – туда влекусь,
Куда несешь – туда несусь.

Архипелаг Макам

Город Дуракин

В годы моей юности город Дуракин только и делал, что грезил о старине. Когда-то здесь жили яркие интересные люди – писатели, ораторы, полководцы, – многие из которых прославились на весь Большой Иллюзион. Где они теперь? Но и Дуракин уже не тот.

Дуракин – это сравнительно новое название города, полученное им по фамилии генерала Дуракина, имение которого в 1937 году было превращено в Краеведческий музей. Деревня Дуракино находилась в холмистом месте, где когда-то располагался городок Саблин, или Сабобли, как его называли турки, еще в 17-м веке отнятый у турок донскими казаками, которые разграбили и разрушили его почти до основания. А у разрушенного города Саблина, оказалась древняя и славная история.

Если верить преданиям, именно в окрестностях нашего города хромой бог Гефест приковал к скале титана Прометея за то, что тот восстал против Зевса. Он выступил против потока, и встречный ветер принес ему гибель и – славу.

Рассказывают также, что где-то здесь находилась знаменитая Щель, через которую Орфей, а вслед за ним Одиссей и Эней спускались в Преисподнюю. Все это связано с представлениями о полой Земле и о целом мире – с полями, горами и реками, со своим Солнцем, Луной и звездами и, конечно же, своим человечеством, – расположенном в глубинах земли. Отголоски этих представлений имеются и на Востоке, что же касается древних народов Египта и Месопотамии, то они все это описывали досконально.

Ближе к нашему времени в городе также кипели страсти: колонисты из Византии рыли рвы и строили высокие стены, отгораживаясь от скифов, турки-сельджуки воевали с татаро-монголами, хазары – с печенегами и половцами, а казаки – с горцами. Вот тогда и начало мелькать имя маленького приазовского городка Сабобли, переделанное русскими солдатами в более благозвучное для их уха название Саблин.

Позже из двух российских столиц в Дуракин ссылали бунтовщиков из дворян и разночинцев, которые упорно насаждали на нашу каменистую почву свои неприкаемые утопии. В то время чуткие люди могли разглядеть за нашим городом его уникальную физиономию и говорили о нем как о живом существе: «Наш город помолодел» или «Город живет в ожидании перемен», или «У города выросли крылья».

Все это было давно, и между тем временем и нашими буднями пролегла непроходимая, хоть и невидимая черта. С тех пор все изменилось кругом и меняется постоянно, но от этих перемен нету радости: крылья у города не выросли, и никто в нем больше не интересуется нашим прошлым, а будущим и подавно.

Сегодня город Дуракин это уже не город, а груда утонувших в грязи или сугробах строений, разбросанных где и как попало. Гуляя вокруг этих домов пешеход может набрести на заваленные снегом мусорки, на забытые машины, которые их хозяевам лень выгрести или на одинокие ларьки с сигаретами и пивом. Когда идет дождь или тает снег, прохожие месят на улицах глину, когда жарко и сухо, в воздухе стоит удушливая пыль, от которой они становятся раздражительными и ругаются черными словами. Впрочем люди редко выходят на улицы, разве что в магазин или в аптеку, в основном же сидят по домам, пьют водку и смотрят телевизор.

Иногда горожане собираются группками, чтобы выпить и позлословить в адрес знакомых. К концу вечера все так друг другу надоедают, что зарекаются когда-либо снова встречаться. Часто такие посиделки кончаются мордобоем и кровопролитием. Друзей ни у кого нет, а пьянство заменяет и дружбу, и приятельство.

Каждый занят своим: одни льготы себе по госучреждениям высиживают, другие на службах маются, причем тот, кто работает, бедствует, а кто ничего не делает, тот живет как паша за

высокими заборами с охраной и прислугой. Удивительно, как такие люди умеют между собой ладить и держать круговую поруку! Поэтому у них и деньги, и власть, и всякие другие возможности. Молодые тянутся за стандартами, хотят, чтобы все у них было как в глянцевого журналах и мексиканских сериалах и потому транжирят время и силы на ерунду, а неумолимое время затягивает их всех в свою воронку.

Большинство живет в ожидании чудес, которые все никак не наступят, хотя по телевизору о них говорят без конца и обещают не сегодня-завтра. Все кажется: вот все переменится: закончится зима, отпустит безденежье и начнется что-то необыкновенное, долгожданное, радостное. А город между тем все глубже зарывается в сугробы или тонет в грязи, и жизнь в нем становится все угрюмее и безнадежнее.

Невероятное множество бездомных собак развелось в нашем городе. Все они поджарые и деловитые, а рядом подрастает такой же упитанный собачий молодец. Глаза у них мутные и бездонные, как и у людей, например, у соседа, живущего этажом ниже. И надо мной тоже живет сосед с такими же точно глазами, и у его сына то же самое. Почти все обитатели нашего города именно так и смотрят друг на друга.

Собаки людей не замечают, шустро пробегают мимо, не оглядываясь. Некоторые крупные особи дежурят у дверей мясных лавок, привлеченные запахом свежей крови, иногда вслед за нерасторопным покупателем проникают вовнутрь магазина, и тогда мясники кормят их возле прилавка. Обычно же продавцы выносят им кости на улицу, на всякий случай их задабривая. Злобы к людям, впрочем, собаки не питают, но и особой приязни тоже. Живут в параллельном мире как отдельное собачье человечество.

А ночью как начнут они выть на сотни голосов – душу выматывать. Я не неженка, а этого вою не выдерживаю. Сколько это длится: час, два или шесть? Кажется мне, что я сам начну выть или прыгну в окно с третьего этажа. А потом, когда все это заканчивается, я долго еще хожу по своей крошечной кухоньке и держу одну руку другой, чтобы не дрожали. Только когда уже совсем рассветет, мне удастся ненадолго вздремнуть.

Ветры гор и степей

Давным-давно в нашем городе поселились ветры гор и степей и с тех пор живут в нем постоянно. Зимой они приносят с севера снег и стужу, крутят поземку или поднимают и несут снежные столбы. Осенью они гонят по земле жухлую листву, срывают с головы шляпы и тюбейки, задирают у девушек юбки, обнажая под ними стройные нежные колонны. Знойным бездыханным летом приносят с моря и с гор ароматную прохладу и свежесть, они несут в себе жизнь, дыхание и вольность, разносят и раскидывают семена кустов и деревьев, ароматы цветов.

Я люблю ветры за то, что они невидимы, непредсказуемы и свободны, свободнее птиц, легче и беззаботней воды и огня. Мне нравится, как они поют, как смеются или стонут, как они разговаривают с деревьями, с кустами, с травой, в их голосах я слышу что-то понятное и родное. Ветер – это воздух, он легче земли и воды и не такой жаркий и упорный как огонь, ветер – это дыхание, это речь. Иногда мне кажется, что еще немного и они смогут заговорить на понятном мне языке, и я смог бы им ответить. Я бы сказал им: я такой же как вы – невидимый, непредсказуемый и свободный. Не смотрите на мое тело, на мои привычки и мой возраст – все это не имеет ко мне ни малейшего отношения. Общество, в котором находится моя оболочка, мной не владеет. В человеческой истории я вижу только несколько душ, ставших ветром и взлетевших над временем – только с ними я дома и равен себе. Им мне не надо ничего объяснять, например, что «ветер» – это и ветер и что-то другое, для чего существуют десятки известных и тайных названий.

Эти мысли заперты во мне и всегда со мною. Только малой их частью я могу поделиться со своими знакомыми. Мои настоящие собеседники раскиданы по разным тысячелетиям и по

разным цивилизациям. Они подают мне и друг другу знаки, недоступные посторонним, но прозрачные для посвященных.

Я живу в Дуракине с самого детства – изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Меня мучают безденежье, одиночество и безнадежность. Часто я мечтаю о том, чтобы город наш провалился в тартарары, исчез с лица земли, как когда-то исчезли Вавилон и Ниневия. Часто я думаю о моей подлинной родине и вижу ее в моих снах.

Когда я был мальчиком, небо над городом было совсем другим, не таким пустым и холодным, как сегодня. Люди заглядывались на небо, когда по нему пролетал самолет, проплывал дирижабль или возникало облако необычной формы и окраски, и все чего-то ждали, ждали. И я ждал, как другие. Сначала я ждал, когда я повзрелею, потом – когда выучусь, потом – когда найду работу. В сорок лет я, наконец, устроился младшим научным сотрудником в местном Краеведческом музее.

По профессии я лингвист, всю жизнь изучал мертвые языки, а на мою музейную зарплату можно протянуть ноги. Чтобы сводить концы с концами, я занимаюсь переводами и консультациями. Зато и работой не очень мне докучают: иногда звонят из музея, просят разгадать для них клинопись на какой-нибудь плите или фотографии.

Однажды меня сфотографировали на музейном чердаке рядом с древней стелой с полустершейся клинописью. На фотографии я изображен в профиль с глубокомысленным видом ученого мужа рядом с музейным сторожем Василием, жизнерадостным человеком, похожим на Эзопа, а перед нами – толпа школьников. Я всегда ношу эту фотографию с собой, иногда достаю ее и на нее поглядываю. Это, так сказать, визуальный итог всей моей жизни, ее верхняя планка: ассириолог Николай, сторож Василий и школьники на фоне древней стелы.

Сторож Василий был моим единственным другом в Дуракине и во всем мире. Такой же старый холостяк, как я, он был человеком живого ума и яркого воображения, поэт, которого знают и ценят по всей России, но не в Дуракине. Таким он был еще в пятом классе и потом, когда мы учились вместе в Московском Университете. Тогда же он начал писать стихи и поэзия поглотила его без остатка. Чтоб не отвлекаться от стихов, он нашел себе скудно оплачиваемую работу сторожа, которая давала ему уйму необходимого для поэзии досуга. Когда ему было 28, его хватило на то, чтобы жениться на практичной девушке-фармацевте, которая родила ему сына и двух дочек, но он был не в состоянии заботиться о своих ближних, и его жене пришлось самой и растить детей, и зарабатывать деньги. Прошли годы, жена Василия заболела и умерла, дети выросли и зажили самостоятельной жизнью, а Василий все писал стихи и сторожил Краеведческий музей. А поскольку сторожить его было не от кого, то он мог теперь заниматься поэзией круглые сутки изо дня в день и из года в год. Так мы и жили с ним друг рядом с другом, ни в ком не нуждаясь, ни от кого не завися. Он был моим братом и другом, а я – единственным слушателем и читателем его стихов, он рассеивал мои сомнения и тревоги и давал мне силу жить, а я искренне восхищался его искусством. Я благодарен судьбе за этот удивительный дар – дружбу, не омраченную желанием подавить или поглотить другого, за радость разделенных поисков, надежд и открытий.

В молодости каждое утро несло в себе надежду, а вечером приходили умиротворенность и покой. Сердце откликалось на шелест листьев, на порывы ветра, несущего аромат невозможного. Годы шли, а я все чего-то ждал, видел себя моряком, путешественником, космонавтом.

Помню, подростком я увлекся парусными судами. Наверное, это случилось потому, что море было недалеко от нашего города! Я изучил все тонкости парусного флота и мог с первого взгляда отличить шняву от брига, а шхуну от галиота или фрегата. Моими любимыми писателями были Даниель Дефо, Джонатан Свифт и Роберт Льюис Стивенсон, писавшие о морских

путешествиях. Мне нравилось читать такие описания: «Буря была поистине ужасной, волны достигали необычайной высоты. Мы убрали блинд и приготовились взять на гитовы фок-зейль. Затем мы закрепили талями румпель, чтобы облегчить рулевого. Мы не стали спускать стены, но оставили всю оснастку» и т.д. и т.п. Не странно ли, что я никогда в жизни не ходил на парусном судне и не был в отдаленных странах. Вместо этого я стал ассириологом, книжным червем, специалистом по мертвым цивилизациям Междуречья – профессия хоть и редкая, но едва ли романтическая.

Вокруг меня все так азартно играют в скучные игры – семью, работу, заработки, интриги, любовниц. У каждого свой набор обстоятельств – забот, болезней, обид, настроений, – свой водоворот, и каждый несетя по кругу, захваченный воронкой. При встречах со знакомыми я слушаю, о чем они мне рассказывают, а о себя я молчу – в моей жизни нет ничего интересного. Я живу одиноко, по утрам бреюсь, а потом иду в магазин за творогом и картошкой. Нет, право же, мне нечего им рассказать.

В двадцать лет я открыл головокружительный мир герметических наук. Оказалось, что я не один томлюсь в неволе и мечтаю об освобождении: многие до меня искали, а некоторые находили выход из лабиринта. Я испытывал себя на разных путях, но так и не остановился ни на одном, ни к кому не примкнул и остался свободным... Некоторые говорят, что это один из видов тупика, что нужно найти хоть какую-нибудь тропинку и начать по ней двигаться, что нельзя придти к цели, стоя на одном месте, но я думаю, что все обстоит как раз наоборот: ложные тропы никуда не ведут, а лишь создают видимость движения.

Я давно уже понял, что мой ум едва ли способен куда-либо меня привести. Ум это инстанция проблематическая, снабжающая одинаково правдоподобными доводами как «за», так и «против» любого положения. И потому я не ищу ответа на вопрос, который занимал меня в молодости: можно ли сделать жизнь более осмысленной – я знаю, что мне это не под силу. Не верю я и в «иной мир», куда я автоматически попаду после смерти, как и – в возможность сконструировать рай на земле. Я верю только в то, что я знаю, но даже и то, что я знаю, мне не удастся никому объяснить.

Одну важную мысль я все-таки пытаюсь сформулировать. Если живешь определенным образом и не занимаешься самовредительством, то можешь попасть в особый поток совпадений, когда жизнь идет навстречу твоим желаниям независимо от твоих усилий. Ты как будто попадаешь в полосу везения, в пространство почти абсолютной свободы. «Бог» или «космос», или что-то еще, для чего я не знаю имени, начинают тебе помогать. Только не нужно ничего для этого делать и явно к этому стремиться. Нужно только «быть верным самому себе», а что это значит, я знаю, но не могу объяснить.

Давным-давно один мудрый человек выразил мое состояние точными словами. Он писал: «Я не знаю, кто меня послал в мир, не знаю, что такое мир, не знаю, что такое я сам; я в ужасном неведении всего-что-ни-на-есть; я не знаю, что такое мое тело, что такое мои чувства, моя душа и та самая часть меня самого, которая думает то, что я говорю, которая размышляет обо всем и о себе самой и знает себя не больше, чем всё остальное. Я вижу эти ужасающие пространства Вселенной, заключающие меня в себе, и я нахожу себя привязанным к одному углу этой обширной протяженности, не зная ни почему я помещен именно в этом, а не другом месте, ни почему тот крохотный отрезок времени, который отведен мне для жизни, назначен мне именно в этой, а не в другой точке вечности, предшествовавшей мне и следующей за мной. Я вижу со всех сторон только бесконечности, включающие меня в себя как тень, которая существует одно короткое мгновение. Всё, что я знаю, – это то, что я должен скоро умереть, но чего я больше всего не знаю – это сама смерть, которой мне не избежать. Вот мое состояние, полное слабости и неуверенности». Я не могу сказать это лучше него и поэтому я привел полностью его слова.

Как-то в этом состоянии я шел по 1-ой улице Машиностроения в ненастный февральский вечер. Меня пригласили в музей на консультацию по вопросу о стеле, которая валялась на чердаке тридцать лет и вдруг понадобилась музейному начальству. Как раз на ее фоне я и был как-то сфотографирован рядом с группой местных школьников и моим другом Василием.

Какому-то заезжему олуху из Оклахомы показалось, что на ней сохранилась шумерская клинопись, хотя это явно была более поздняя аккадская надпись. Меня раздражала вся эта ситуация и особенно поведение музейного начальства. Мало у нас своих невежд, так еще заморских стали выписывать! Короче, я шел в музей в неурочное время в скверную погоду раздраженный донельзя.

Дул резкий ветер, со свистом взметая снежную пыль, и нес ее, просеивая и закручивая вдоль домов и унося в переулки. Тусклый свет из окон едва освещал главную улицу, а на других улочках, и особенно в переулках, стояла такая темень, что приходилось двигаться почти что ощупью. Вот так я шел, споткнулся и съехал в Щель. Откуда посреди нашего города Щель, я не знаю. Может, выкопали яму для какого-нибудь памятника, а может, посреди нашего богом забытого города нашли залежи меди и вырыли шахту для ее добычи. Так или иначе, я куда-то свалился.

Глубина, слава богу, оказалась небольшой, и, упав, я ничего себе не сломал. Я даже не успел испугаться. Не исключено, что я потерял сознание и не осознавал, сколько времени продолжалось падение. И хотя обычное свое сознание я потерял, но при этом я фиксировал странные ощущения, не укладывающиеся в слова. Я чувствовал, например, что падаю, но одновременно взлетаю, хотя, как такое возможно, я не знал. Я вдруг ощутил мощный вихрь, но не тот резкий жалящий ветер, который поднимал снежную пыль и нес ее по улице, а поток воздуха, который обвил меня мягкой, но властной пеленой и понес – куда неизвестно. Я узнал знакомую мне по некоторым снам неодолимую силу, иногда куда-то влекущую или, а в других случаях сковывающую по рукам и ногам и не дающую сдвинуться с места.

Очнулся я, когда все уже было позади. Я стоял в неизвестном мне месте, чувствуя вокруг себя воздух, очень много воздуха, хотя почти ничего не было видно. Еще не разглядев окрестностей, я с первого мгновения осознал: случилось невероятное – то, чего я ждал всю свою жизнь и что часто предчувствовал: что бы это ни означало, я «вывалился» из обычной жизни и нахожусь в совершенно иной реальности.

Город Халь

Оглянувшись, я увидел, что стою на тропе в горном ущелье, а вокруг меня стелется молочный туман, делающий обстановку вполне фантастической. Контуров нависших надо мной гор то появлялись из густого тумана, то снова скрывались в нем.

Я пошел по тропинке и шел примерно час пока не вышел к обрыву. Внизу я увидел какой-то городок на берегу водоема. К этому времени туман рассеялся, из-за негустых облаков выглянуло солнце и радостно все осветило. Невероятно, но я находился недалеко от моря, а город с холма, на котором я стоял, выглядел веселым и даже каким-то легкомысленным. Или это освещение делало его таким? Я никогда не видел такого яркого, такого праздничного света: все вокруг меня играло, искрилось и переливалось перламутром! Впервые с тех пор, как я упал в Щель, ко мне пришло полное осознание того, что со мной происходит нечто необыкновенное, и все это не греза, не сон. Но тогда что это?

Тем временем тропинка, по которой я шел, спустилась с уступов и незаметно перешла в мощенную булыжником дорогу с редкими кустами на обочине. Потом я увидел высокую женщину с пронзительным взглядом черных близко посаженных глаз, одетую в неуклюжий оранжевый балахон. Два больших черных барана, которые паслись рядом с ней, оторвавшись от жевания, глянули на меня сонными глазами. Я поздоровался с ней сначала по-русски, а потом по-итальянски. В ответ она произнесла звуки, похожие на «кум-кум», и молча отвернулась. Подождав немного и не дождавшись от нее никакой реакции, я пошел по дороге дальше. Дорога, между тем, превратилась в улицу с домами из серого камня с плоскими крышами и зелеными палисадниками, едва ли напоминавшими мне что-то знакомое, разве что изображение сельских идиллий на картинах старых мастеров. Далеко внизу улица заканчивалась морем.

Каждый город имеет свой собственный запах, тот, откуда я в буквальном смысле слова свалился, пахнул сыростью и безнадежностью. Этот был пронизан йодистым запахом моря и терпкостью трав, а плоские крыши домов делали его похожим на прибрежный город где-нибудь в Ливане или Марокко. Если я все еще был на земле, то определенно находился в иной эпохе, когда мир был еще юным и радостным, полным надежд и обещаний.

По мере того, как я приближался к морю, навстречу стали попадаться причудливо одетые люди, которых я с любопытством разглядывал, в то время как они не обращали на меня никакого внимания. Они шли, как будто бы танцуя, а разговаривая друг с другом, выразительно жестикулировали. Их облик не напомнил мне ни одну известную мне древнюю или современную народность, а язык, на котором они переговаривались между собой, был мне также неизвестен. Был в цвете их кожи какой-то оливковый отлив при матовых белках глаз и ухоженных длинных кудрях, как у мужчин, так и у женщин. Впрочем, это могло быть эффектом необычного освещения воздуха, когда кажется, что люди, дома и деревья светятся сами, а не отблескивают падающие на них лучи. Что поражало в них больше всего это даже не их колоритная одежда и красноречивые жесты, а написанная на их лицах невозмутимость, как будто, находясь там же, где я, они заняты чем-то, чего я не вижу и не понимаю. И хотя одеты они были очень ярко и красочно, но не было в их нарядах никакой известной мне этнической определенности, а была раскованность и простота, граничащая с небрежностью.

Разглядывая прохожих, я дошел до перекрестка и остановился в нерешительности. Заметив, что прохожие не обращали на меня никакого внимания, а дома выглядели приветливыми, и двери многих были полуоткрыты, я подумал, не постучаться ли мне в какой-нибудь дом?

Один дом показался мне приветливей других, и я решил в него постучаться. Однако стучать не пришлось, дверь автоматически раскрылась, и я вошел.

В светлой прихожей наголо остриженный человек в зеленом кафтане играл одновременно с десятью ножами, подбрасывая их и ловя на лету. Не прекращая своего занятия, он блеснул на меня острыми глазами и отвернулся.

Я прошел мимо него и вошел в залу, где за маленьким столиком сидели три голых старика и обедали. Один из них был с залысинами, второй с рыжей бородкой, а третий с повязкой на левом глазе, а их тела показались мне слишком тощими и бледными, как будто они давно не были на солнце. И хотя никто мне этого не говорил, я сразу же догадался, что первого звали Высокий, второго – Равновысокий, а третьего – Третий.

Пока Высокий и Равновысокий аппетитно расправлялись с какими-то сочными плодами, завернутыми в оранжевые листья, Третий снял с лица повязку и весело подмигнул мне абсолютно здоровым левым глазом.

– Ну, как впечатления? – спросил он меня на прекрасном русском.

Я опешил и не знал, что ему отвечать.

– Вы говорите по-русски? – наконец, вырвался у меня глупый вопрос.

– У нас здесь нет времени, поэтому воспользуйтесь случаем и спрашивайте. Спрашивайте о чем угодно. Ну, готовы начать?

– Да, – сказал я, но больше не мог ничего к этому добавить.

– Вас, наверное, интересует Щель, не так ли? – вежливо подсказал мне Третий. – В смысле устройства, принципа функционирования и так далее.

Я проглотил слюну и кивнул.

– Ну, так вот. Щель существует давно и открывается время от времени, чтобы впустить или выпустить путешественников. Через эту Щель они попадают в разные отсеки Большого Иллюзиона. Каждому свое, не так ли?

Тут Высокий и Равновысокий одновременно подняли головы и посмотрели на меня, как будто бы ожидая ответа. Но я уже успел собраться с духом и вместо ответа на вопрос с дурацким намеком спросил:

– Что это за город и как я в нем оказался?

– Это город радости, и раз уж ты здесь, тебе не мешало бы поучиться.

– Поучиться чему?

– Качественному состоянию.

– И долго мне нужно этому учиться?

– Я уже сказал: здесь нет времени, потому что все длится, но ничего не повторяется. Чистую длительность невозможно измерить. Радуйся!

Не успел Третий это произнести как все трое голышей разом пропали, а я оказался за столом перед тарелкой с овощным блюдом, похожим на спагетти.

Впервые с момента прилунения на этой необычной планете я внутренне улыбнулся. Тяжесть, к которой я привык, как каторжанин привыкает к кандалам, оставила меня, и я с аппетитом принялся за обед. Оказывается, я успел изрядно проголодаться.

Когда после неожиданного обеда я вышел на знакомую улицу, я чувствовал себя помолодевшим и поглупевшим, то есть отменно. Главное же, я совершенно выбросил из памяти город Дуракин с его снежными заносами и бездомными собаками. Когда это я там был в последний раз? Час назад? Но ведь времени больше нет!

Все это было слишком стремительно и невероятно, чтобы поверить в случившееся. Но вот я стою на улице, одним своим краем уходящей в горы, а другим – упирающейся в море. Светит солнце, пахнет какими-то южными цветами, мимо идут незнакомые люди со странным отливом кожи и с причудливыми прическами, одетые пышно и небрежно, как на оперной сцене, и разговаривают на незнакомых языках.

Внимательный слух лингвиста подсказал мне, что люди в этом городе говорят не на одном, а на двух разных языках. Некоторые из них, разговаривая, цокали и щелкали. Другие издавали плавные и пластичные звуки, мягкие и улетающие ввысь, как птицы или воздушные шары. Однако в отношении местных языков у меня не возникало ни одной ассоциации с чем-либо знакомым, как будто бы я и в самом деле оказался на чужой планете.

Мне вдруг остро захотелось с кем-то пообщаться, войти в какие-то местные дела, стать кому-нибудь интересным и нужным. Не зная языков аборигенов, сделать это можно было только при помощи жестов. Однако жесты так расплывчаты и ненадежны! Как, например, передать жестами симпатию или любопытство? Как выразить удивление и радость? Как рассказать о том, что со мной случилось?

Навстречу мне шли две девушки с цветочками – синим и розовым, – приклеенными к щекам, и между ними державший их за руки молодой человек в желтой накидке. У маленькой и изящной девушки с синим цветочком были русые волосы и грустные серые глаза, другая посмуглее – с розовым цветком – была брюнеткой. Я сделал шаг в их сторону и встал перед ними. Все трое остановились и вопросительно посмотрели на меня. Тогда я улыбнулся, ткнул себе в грудь правой рукой и сказал:

– Николай.

Я повторил мое имя три раза, а потом взял свободные руки девушек, и мы вчетвером образовали круг, а может быть квадрат, во всяком случае, замкнутую симметричную фигуру.

Мое поведение не вызвало в них никакого удивления. Мы постояли немного, держась за руки, и тогда сероглазая девушка довольно точно повторила мое имя:

– Николай.

После этого я начал двигаться по кругу, и тем самым сдвинул с места двух девушек и молодого человека, и мы закружились в хороводе, как дети вокруг новогодней елки. Я видел, что предложенная мною игра пришлась по душе двум девушкам и молодому человеку. Кружась со мной, они начали что-то незнакомое напевать, плавно подпрыгивать и размахивать руками. Мы кружились сначала медленно, потом быстрее-быстрее-быстрее. Все закружилось: дома, деревья, облака на небе, и оливковые лица моих новых друзей.

И вдруг самым неподходящим образом что-то на меня нахлынуло – не знаю, как и почему именно в эту минуту. Появился мой старый город, откуда я, можно сказать, только что выскочил: колючий снег сыпал мне прямо в лицо, отяжелели ноги в тяжелых ботинках, и я весь сутулился от холода, а может быть от моего немолодого уже возраста. Все это вдруг поднялось во мне и наполнило меня безнадежностью, тяжестью и тоской.

Молодые люди, танцевавшие вместе со мной, почувствовали что-то неладное и остановились. Танец закончился. Осторожно разжались руки, державшие мои.

Опять они стояли передо мной и смотрели на меня удивленно и, как мне показалось, с сочувствием. Постояв с полминуты, одновременно тронулись с места и прошли мимо меня, продолжая свой прерванный путь, на меня не оглядываясь. Взгляд девушки с грустными серыми глазами, которой, уходя, она бросила на меня, отозвался во мне глубокой и тонкой болью. Я остался стоять там, где стоял, потерянный и опустошенный.

Эпизод с молодыми людьми меня отрезвил. Теперь я уже не искал новых знакомств, не полагался на ситуативную спонтанность. Человек, вывалившийся из Щели в незнакомый ему мир, должен осознавать шаткость своего положения и не рассчитывать на чудо.

Взгляд сероглазой девушки стоял во мне как бесконечно близкая музыка. Есть музыка, которая так близка к жизни души, что она кажется самой твоей душой. Именно такой музыкой был прощальный взгляд этой девушки, и таким был этот мир, в котором я делал свои первые шаги. Не было преследовавшего меня всю мою жизнь чувства ссылки в чужое, чуждое, враж-

дебное место. Люди, природа, небо – все это было моим, сокровенно мне родственным, и на все, что я видел и что со мной происходило, моя душа откликалась радостным узнаванием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.